

Ровесница века

Александр Ивановне ИВАНОВОЙ 25 февраля исполнилось 100 лет!

Как странно слышать и осознавать, что среди нас живет человек, родившийся в Российской Империи. Кажется, что время великих русских смут – февральская и октябрьская революции – это уже старина седая, известная нам только из учебников истории. А ровесница мировых переломов и по сию пору живет в Новых Ключах, в Доме для престарелых и инвалидов.

Александра Ивановна Иванова родилась в 1917 г. в Псковской области, жила с родителями недалеко от границы, близ станции Вульшагино, потом в Бузовском районе в поселке Полянье. Родители крестьянствовали – и она рядом: скотину пасла, корову доила, работала в поле и на огороде. Отец еще извозом занимался. Она помнит, как вводили НЭП, и радость народа по этому поводу. Помнит, как его отменяли и зорили подворья крепких крестьян. Отец тогда уходил из семьи – прятался, боялся раскулачки.

В школе училась хорошо, много читала, особенно любила стихи. Мечтала стать учительницей, и мать сделала все, чтобы мечта ее сбылась – Александра окончила педучилище. Казалось, все начинало налаживаться – работа, замужество. Но тут началась война.

Помнит Александра Ивановна и это переломное для ее судьбы время. Нервную панику и сумбур отступления наших войск, попытку эвакуации на Восток – две семьи на одной телеге с привязанной к ней коровой. Двое суток ехали в ту сторону, откуда солнце встает, а на третий день узнали, что немцы их обогнали, и никакого Востока впереди уже нет.

Память человеческая – она такая странная штука: что-то помнится до мельчайших деталей, о чем-то хочется сразу забыть. Об оккупации Александра Ивановна не могла говорить без внутреннего содрогания. Как не очень страшно (и даже интересно) было смотреть на солдат в незнакомой форме, слушать их речь, и как жутко было смотреть на повешение молодого русского солдата – толи вправду партизана, толи просто заблудившегося в лесу при отступлении. Их силой согнали на площадь, чтобы смотрели «в назидание и устрашение». И они добивались своего: все жители были глухи и немые – боялись.

Приходилось выживать, как только можно. Они собирали мороженую картошку, мыли ее и ели. Чистого хлеба не видели. Отец где-то добывал немного муки, к ней мама добавляла все, что могла, и пекла лепешки. Мука эта была после крупного помола. Ее просеивали через сито, потом то, что оставалось в сите (мама их называла «высевки») заливали водой. Шелуха всплывала, а из зернышек нам варили кашу-болтушку. Было все же сытно». Этот нехитрый рассказ Александры Ивановны работники Дома ветеранов записали несколько лет назад на видео. Семью Александры Ивановны спасла корова. Если бы ни эта кормилица, то в их семье был бы страшный голод.

Но о чем Александра Ивановна не посмела сказать на видео – осталось только в ней самой. Голод и боязнь того, что ее могут отправить на работу в Германию, заставили ее устроиться работать в школу. Она учила русских ребятишек читать и писать, но когда оккупанты ушли, ей поставили это в вину и долго мотали нервами, допросами и проверками. И как ее в лагерь не отправили – она и сама не понимала, потому что «пособниками оккупантов» тогда признали очень многих людей, кого она знала и считала их честными людьми, не замаравшими свое имя. Видимо, никто, с кем беседовали чекисты, не сказал о ней ни одного плохого слова.

Потом... ну, что потом – диплом у нее отобрали и взяли расписку, что больше никогда не будет преподавать. Работала после войны в книжном магазине (любовь к книгам и стихам живы в ней до сих пор). Растила дочь. И та уже исполнила мечту матери – стала учительницей. Ее знал весь район – Лилия Анатольевна Богданова. Приехала сюда по распределению, работала сначала в Гореловской школе, потом долгое время завучем в школе-интернате в Черемушках. И мама поехала «по распределению судьбы» следом.

Работа для работающего человека найдется везде: Александра Ивановна стала домоуправительницей и хозяйкой в дочкином доме, а Лилия Анатольевна, чувствуя крепкий тыл, всю себя отдавала школе.

Черемушки Александра Ивановна считает своей второй родиной. Какое приволье



– река, озера, выпаса – не могла не любить, не могла налюбоваться. Она была из тех, кто завел в этом поселке моду на огромные цветники, ее подхватили многие учителя и воспитатели школы-интерната. Ах, какие чудные палисадники были в Черемушках! Специально со всего района люди ездили смотреть, брали семена и рассаду.

... Отцвели уж давно хризантемы в саду... Тяжелая болезнь унесла жизнь Лилии Анатольевны. И какая это мука мученическая – хоронить своих детей. А годы – как песок сквозь пальцы... В свои сто лет Александра Ивановна все осознает и понимает, узнает всех, с кем доводилось общаться. Но разговор ей уже дается с трудом. Когда к ней приехали на вековой юбилей гости, она за чаепитием попыталась в благогодность прочитать стихи. Но разобрать ее слова было сложно, получилось, что она читала самой себе.

«Мой век стрелою пролетит с неугомным пессимистом. Лишь в завершении пути я стану пессимистом...».

Дм. АНДРЕЕВ. ■